

Константин Коровин : Альбом репродукций / ред.: Г.А. Мальянгович; вст. ст.: А. Каменский. В поисках радости (О станковой живописи Константина Коровина) (С. 3–17); М. Сарьян. Из воспоминаний о К.А. Коровине [1964 года] (С. 18–19). – [М. : Главное управление «Гознак» Министерства Финансов СССР, 1965].

М. САРЬЯН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О К. А. КОРОВИНЕ

За долгие годы работы в искусстве я близко познакомился со множеством художников. Это были люди разной судьбы — счастливы и мученики, баловни фортуны и вечные неудачники. Впрочем, чаще всего «линия жизни» у знакомых мне художников России была неровной, извилистой: всякого приходилось изведать...

Сложная судьба была и у такого замечательного мастера, как Константин Алексеевич Коровин. Его закат был печален и как-то по-нелепому несправедлив.

Но мне хорошо памятна и лучшая пора жизни Коровина, когда он был в расцвете своего блистательного таланта, своей яркой и заслуженной славы.

Это был красивый человек — в самом высоком смысле слова. Крепкий, ладный, отлично сложенный брюнет, он сразу же, как-то незаметно, но властно располагал к себе. Но главное все же не в этом. Красивой и светлой была его душа, его бесконечная влюбленность в жизнь, его природная, глубоко органичная артистичность.

Однако Коровин вовсе не был беспечным, легкомысленным представителем богемы, как это иногда изображают. Действительно, в свободные часы, встречаясь с друзьями, он любил повеселиться от чистого сердца. Но в искусстве он был врагом всякого верхоглядства и щегольства, работал с предельной серьезностью и напряжением, не жалея сил.

Я убедился в этом сразу же, как познакомился с Константином Алексеевичем. Произошло это осенью 1901 года, когда Коровин стал преподавать в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где я учился. Наше училище было тогда, пожалуй, самым прогрессивным художественным учебным заведением в стране. В Петербургской академии художеств ученики чувствовали себя куда более скованно, отжившие традиции имели там слишком большую власть.

В нашем же училище все дело было поставлено так, чтобы как можно более тактично направ-

лять развитие молодых мастеров, помогая им раскрывать свое дарование, свою творческую индивидуальность, свое понимание жизни. И неудивительно, что в стенах училища выросли в те годы не только хорошо обученные реалистической технике, но и очень разные, совсем не похожие друг на друга талантливые художники.

К. А. Коровин вместе с В. А. Серовым (по его приглашению) руководил живописной мастерской. По своим характерам эти два художника сильно отличались друг от друга. Валентин Александрович был строг и молчалив, Константин Алексеевич более добродушен и разговорчив. Говорил он образно, взволнованно, постепенно все более и более увлекаясь. Разумеется, речь шла, как правило, о вопросах искусства. Серов особенно настойчиво добивался ясной, последовательной логики в работе молодых художников, Коровин — свежести, зоркости видения природы, поэтической красоты образа; Серов особое внимание уделял рисунку и композиции, Коровин — цвету. Но, в общем, два этих замечательных мастера были очень близки, родственны друг другу в понимании живописи. Они не противоречили, а великолепно дополняли один другого. Думаю, потому-то мудрый, проницательный и беспощадно самокритичный Серов и пригласил Коровина быть вторым преподавателем в своей мастерской.

Как Серов, так и Коровин добивались от своих учеников самостоятельности, считали недопустимой мелочную опеку. Например, если ставилась обнаженная женская модель, мы рисовали ее сами, время от времени они просматривали наши работы, но вмешивались лишь в тех случаях, когда у какого-нибудь ученика дело совсем не ладилось и необходимо было ему помочь.

В мастерской Серова — Коровина тогда, помнится, было одиннадцать человек. Я в те годы дружил с А. Половинкиным. Мы с ним работали не только обязательное время, но и в послеобеденные часы, оплачивая труд натурщиц из своего кармана. Рисовали мы углем и пастелью, которую

сами делали из сухих красок и раздробленного в порошок мела. Вместо полотна нам служил грубый серый шведский картон. Таким методом пользовались все наши товарищи: П. Кузнецов, П. Уткин, К. Петров-Водкин и другие.

Однажды Константин Алексеевич, чтобы внести новое в процесс работы учеников, подошел к самому неудачному этюду, уселся и, составив на палитре светлые тона, стал покрывать ими этот этюд, пользуясь им как полотном. Этюд на наших глазах преобразился в маленький шедевр. Как зачарованные, следили мы за виртуозной работой Коровина. Он был очень изобретателен в приемах живописной «кухни», мог экспромтом, но в то же время быстро и уверенно, «как по нотам», решить любую, даже самую сложную колористическую задачу. Казалось, что в этом смысле технические трудности для него просто не существуют. Но, конечно, за таким мастерством стояли, кроме огромного таланта, еще и годы постоянного, напряженного труда.

Коровин учил нас всегда сохранять высокое достоинство художника. Однажды, просматривая мои рисунки пастелью, он предложил мне продать один из них. Это предложение моего учителя меня крайне смутило. Я сказал, что он может взять хоть все рисунки и, конечно, даром. Коровин отказался наотрез, заявив, что я художник и должен ценить плоды своего труда. После этого он выбрал один из рисунков и вручил мне золотую десятирублевку.

Как я говорил, Константин Алексеевич умел и любил веселиться, своей бурной, неумемной любовью к жизни, к ее радостям, к доброй шутке заражал всех окружающих. А среди его друзей были лучшие люди русской художественной интеллигенции тех времен.

Вспоминается мне такой случай. По какому-то поводу К. А. Коровин дал банкет для художников в ресторане «Эрмитаж» на Неглинной. Мы сидели за столом, заставленным бутылками и всевозможными яствами. Многие, конечно, были слегка навеселе. Рядом с Коровиным было пустое место, оставленное для его друга Федора Ивановича Шаляпина, который должен был приехать на банкет после концерта.

Наконец, он приехал и сел рядом с Коровиным. Я сидел с другой стороны стола, моим сосе-

дом был Сергей Тимофеевич Коненков. Он был как-то задорно настроен и стал упрекать Шаляпина за то, что он оставил театр Солодовникова и перешел на казенную сцену Большого театра. Шаляпин сначала с удивлением смотрел на незнакомого ему человека, который посреди дружеского пира осыпает его упреками, а потом заметно рассердился. Коровин принялся его успокаивать, говоря, что это Сергей Коненков — лучший наш скульптор и очень добрый человек. Но добрый Коненков никак не хотел уgomониться и все пикировался с Шаляпиным.

Кончилось это совершенно неожиданно: Шаляпин и Коненков решили бороться. Они сняли пиджаки и стали меряться силами. Оба они были рослые, мускулистые, красивые, мы любовались ими. Победил Шаляпин. После этого «борцы» подружились, а Коненков пообещал вылепить Шаляпина... А потом Шаляпин пел в дружеском кругу русские песни. Я никогда не слышал ничего подобного...

Последний раз я встретился с Константином Алексеевичем Коровиным в 1926 году в Париже. Я и сейчас не могу без глубокого волнения вспоминать об этой встрече. Мой дорогой учитель постарел, был болен, но сохранил свое покоряющее обаяние. Обрадовался он нашей встрече безгранично. Посыпался град вопросов о России, о новой жизни страны, о друзьях, об искусстве. «Моя единственная мечта, — сказал он мне, — вернуться на Родину, хочу умереть в России». К несчастью, Константину Алексеевичу так и не привелось увидеть родную землю хотя бы перед смертью. Но он до конца своих дней оставался русским человеком, русским художником. И картины, которые он писал на чужбине, были русскими по своему характеру, стилю, отношению к жизни.

Как хорошо, что сейчас ушло в прошлое несправедливое отношение к творческому наследию К. А. Коровина, что его имя называют в ряду лучших русских художников конца XIX — начала XX века. Ведь это был такой сильный, светлый, жизнелюбивый талант! Многие поколения сохраняют благодарную память об этом замечательном художнике и человеке.

Мартирос Сарбян

1964 16/2
Ереван